

Это был, размышляла Элизабет Винтон-де Куэрос, наблюдая за огромным настенным экраном, который устроил для нее архиепископ Брэдфорд, подходящий исторический момент. Конечно, она никогда не любила историю так, как Эдвард.

И она никогда, в самых худших кошмарах, не ожидала, что она и ее брат будут участвовать в этом таким образом.

У нее кололо в глазах. Это происходило всякий раз, когда она думала о своем брате и своей племяннице, а она много думала о них в последние несколько дней. Из болезненного, тоскливого опыта она знала, что со временем ее глаза перестанут колоть каждый раз, когда она о них думает. Так же, как она знала, что никогда не настанет время, когда она перестанет плакать в своем сердце.

В глубине ее мозга голос, удивительно похожий на голос Эдварда, сказал: в путь, Бет.

Ее губы дрогнули в несколько вялой улыбке, и она заставила себя глубоко вдохнуть, слушая торжественную органную музыку, исходящую из динамиков настенного экрана. Огромный собор, построенный по инициативе ее отца шестнадцать лет назад, был морем цвета, особенно слева от нефа, где были скамьи, предназначенные для пэров королевства в такой день.

Ее губы снова дрогнули, когда она вспомнила несколько едких комментариев своей бабушки, когда пэрство начало придерживаться цветов своих домов на официальных мероприятиях. Первая Элизабет Винтон имела не совсем уважительную позицию в отношении аристократии Звездного Королевства.

Если на то пошло, у нее были сомнения относительно всей идеи создания "Звездного Королевства". Элизабет читала дневник своей бабушки, когда она была намного моложе, и она знала, что ни ее бабушка, ни ее прадедушка действительно не одобряли понятие прирожденной аристократии, а тем более наследственной монархии. Она была уверена, что историки-ревизионисты в конечном итоге придут к выводу, что подобные наследственные привилегии были ерундой, независимо от того, что Элизабет Винтон могла написать в своем дневнике, учитывая власть, которую новая конституция дала семье Винтонов.

Но Элизабет знала свою бабушку. Она знала, что сохранение конституцией и институционализация привилегированных позиций первоначальных акционеров в отличие от потока новых жителей Мантикоры - единственное, что позволило Роджеру и Элизабет Винтон получить одобрение для субсидированной иммиграции, отчаянно необходимой для восстановления после Чумных лет.

Она знала, что именно ее бабушка настаивала на том, что наследник престола должен жениться на простолюдinке, а не на потомке этой недавно созданной аристократии. Элизабет - которая впоследствии стала королевой Елизаветой Первой - публично страстно спорила в пользу символики этого.

Но ее дневник показывал глубокие мысли и страхи, скрывающиеся под поверхностью. Елизавета Первая надеялась, что это требование будет способствовать союзу между Коронай и Обществом, который, по ее мнению, был необходим, чтобы предотвратить превращение аристократии Звездного Королевства в одну из олигархий, которые грабили людей столь многих звездных систем с начала Диаспоры.

И хотя принцесса, которой предстояло стать королевой Елизаветой Второй, может и не быть историком, каким был ее брат - или ее отец - она прочитала достаточно, чтобы быть чертовски благодарной за предвидение своей бабушки.

У Елизаветы I было бы несколько резких комментариев к тому, что она несомненно назвала бы "вся эта шумиха", и что сейчас ожидало ее внучку. Но нынешняя Элизабет не особо заботилась об этом. Коронация Елизаветы I была скромным делом, на самом деле, что неудивительно, поскольку она взошла на трон задолго до конца Чумных лет. У людей были другие мысли в 47 году После Посадки.

Но это было тогда. Сейчас было по-другому. Сегодня у людей были и другие поводы для беспокойства, которые не имели ничего общего с невидимыми микробами или болезнями. Они нуждались в утешении.

Как и она, признавалась она себе.

Конечно, другая причина, по которой коронация Елизаветы I была так проста, может заключаться в том, что еще не построили собор. До тех пор, пока король Майкл не стал королем, и семья не получила достаточно внимания, чтобы уделить его этому проекту.

Не то, чтобы Роджер или Елизавета I не одобрили бы это. Что бы последняя ни говорила о шумихе.

Конституция однозначно запрещает любую официальную государственную религию - это был еще один момент, который сильно поддерживала ее бабушка, - но семья Винтон была католиками еще задолго до того, как корабль первых колонистов Язон покинул Солнечную систему. Они все еще были католиками, и эта вера глубоко укоренилась, поэтому Майкл Винтон построил собор из личного семейного кошелька. Потребовались столетия, чтобы построить многие из великих соборов на доиндустриальной Старой Земле, но благодаря современным технологиям Звездного Королевства вся работа была выполнена всего за шесть Т-лет.

Конечно, на общественных форумах была некоторая критика. Некоторые протестовали против того, что церковь, построенная правящим домом, будет автоматически рассматриваться как создающая де-факто государственную религию, независимо от того, что говорится в Конституции, и независимо от того, кто на самом деле заплатил за нее.

Этот аргумент показался Элизабет довольно глупым. Дом Винтон никогда не стеснялся публично признать свою веру, что, несомненно, было ближе к созданию государственной религии, чем сам процесс строительства собора. Короля Майкла, конечно, это позабавило больше, чем другие аргументы, по крайней мере, на частном уровне. Она вспомнила время, когда он с непоколебимым лицом сообщил герцогу Бургундии, что он должен просто сказать критикам, что строительство соборов - это то, что делали католические монархи, и не Майклу бросать вызов традиции.

Официально величественное здание была просто Собором Лэндинга, хотя неофициально был известен, как Собор Короля Майкла. На самом деле Элизабет подозревала, что "официальное" имя продержится только до смерти ее отца.

Если это было так, она могла только надеяться и молиться, чтобы это был Собор Лэндинга столько, сколько позволит Бог.

У нее снова кололо в глазах. С фырканьем она приказала им прекратить.

А затем органная музыка усилилась, и входная дверь открылась.

Время пришло.

* * *

Элизабет последовала за несущим крест по бесконечному нефу сквозь набирающие силу голоса хора Собора Лэндинга. Конституция могла запретить любую официальную государственную религию, но не запрещала публичное религиозное выражение со стороны монарха Звездного Королевства. Наследный принц Майкл Вinton ясно дал понять эту точку зрения на своей собственной коронации, и наследный принц Эдвард, несмотря на давление некоторых, направленное на смягчение позиции своего отца, стал первым мантикорским монархом, который короновался в недавно построенном соборе своего отца. Теперь наследная принцесса Элизабет станет второй.

Всего через четыре Т-года.

Она не собиралась порвать с традицией, которую создали ее отец и ее брат, и поэтому она шла через собор, через великолепное звучание музыки и голосов, за служителями, несущими крест, кадило и свечи, с библией своей бабушки в руках.

Длинный шлейф ее мантии скользил по полированному мраморному полу позади нее. Ее формальные коронационные одежды блестели вышивкой и драгоценными камнями, и легкий вес диадемы, которую она всегда избегала носить, давил на ее голову.

Хотя не так сильно, как корона, которая вот-вот заменит ее. Ее бабушка пыталась избежать драгоценностей и государственных регалий в официальной мантикорской короне, но это был единственный бой, который она проиграла, и государственная корона была первой в списке того, что должно быть сделано.

Она отдала бы все, что имела, чтобы быть где-то еще, наблюдая, как ее брат все еще несет корону, которую она как могла отчаянно хотела избежать.

Путешествие по нефу заняло вечность, но закончилось слишком рано. Другие участники процессии отошли от нее, оставив ее одну перед небольшой группой ожидающих ее мужчин и женщин.

Архиепископ Уоллес Брэдфорд как архиепископ Лэндинга стоял в позиции хозяина в центре этой группы. Его поддерживали другие признанные духовные лидеры Мантикоры: раввин Малхам Зальцман, имам Ачарья Ху-Цзян и гуру Багаскро Шривастава. Брэдфорд поднял руки в благословении, к нему присоединились его коллеги, когда Элизабет достигла полированных перил святилища и опустилась на вышитую подставку для коленей. Музыка стала громче, затем затихла.

Собор замолчал. Брэдфорд подождал пятнадцать секунд. Затем сделал полшага вперед и повысил голос, глядя на переполненные скамьи.

"Мы собрались вместе для торжественного случая в государстве," - сказал он в тишине. "Мы разные люди. Мы верим в Бога разными способами и под разными именами. Некоторые сомневаются в его существовании; некоторые отрицают его существование, и, возможно, так оно и должно быть в королевстве, посвященном свободе совести и мысли. И все же наследная принцесса Елизавета - верующая женщина. Для нее это как духовный, так и светский случай, потому что в этот день она берет жениха, людей Мантикоры. Как и ее брат до нее, она решила публично отмечать это перед Богом, а также под покровительством и требованиями нашей Конституции. Сейчас она просит вас присоединиться к ней в тот момент и просит всех вас, присутствующих в этом соборе или наблюдающих в электронном виде, присоединиться к ней в общей преданности наших сердец, наших умов и нашей смелости в сохранении Звездного

Королевства Мантикора и навсегда удерживать его - и ее - подотчетным своим людям."

Он сделал паузу еще раз, затем протянул руки раввину Зальцману, имаму Ачарье и гуру Шриваставе. Они присоединились к нему, и он снова повысил голос.

«Господь всего Творения, мы призываем Тебя, от имени и в любой манере, в которой Ты нам известен. Мы просим Тебя в этот день свидетельствовать о Твоих дочерях и Твоих сыновьях, и особенно об этой Твоей дочери, Елизавете, когда она выполняет трудную задачу, к которой ее призвали. Это отрезвляющая, изнурительная, часто пугающая задача, а она только смертная. Все смертные подвержены ошибкам, и все смертные иногда знают страх, но в этот день она приходит к Тебе с простой просьбой, и мы просим Тебя от ее имени. Будь с ней, молим мы. Благослови ее, укрепи ее и дай ей всегда возможность заглянуть в свое сердце и найти там любовь к своему народу, силу для удовлетворения его нужд выше любого другого призвания, а также волю и смелость неустанно бороться за то, что она считает правильным. Она просит это у Тебя, и мы от всех нас просим Тебя услышать ее молитву. Аминь."

Из переполненного собора послышался гул отвечающих "аминь", и все четыре духовных лидера протянули руки, чтобы кратко возложить на голову Элизабет. Затем они отступили, и Аделаида Саммервейл, герцогиня Кромарти, и Кеннет Павон, спикер палаты общин, заняли их место. Кромарти несла скипетр, в то время как Павон нес бархатную подушку, на которой блестела украшенная драгоценностями корона Государства.

"Мы выступаем от имени пэров и общин и всех подданных Звездного Королевства Мантикоры," - сказала Кромарти. Она была пожилой хрупкой женщиной, и ее голос казался тоже хрупким после мощного, хорошо поставленного баритона архиепископа Брэдфорда. Но она была высокопоставленным членом мантикорского пэрства, старшим членом палаты лордов.

"Как требует наша конституция, мы пришли услышать коронационную клятву нашего нового монарха," - выступил Павон. Он был вдвое моложе Кромарти, и его голос, хотя и не равный голосу Брэдфорда, звучал громко. "В свою очередь, как представители пэров и общины, мы также обязались отдать ей нашу верность от имени всех подданных Короны."

Он остановился на мгновение, а затем посмотрел на женщину, стоявшую перед ним на коленях.

"Элизабет Антония Адриенна Винтон - де Куэрос," - произнес он нараспев.

По скамьям прошло легкое, почти незаметное движение. На Элизабет оказывалось давление, чтобы она отказалась от фамилии, полученной в браке, учитывая, что она приняла корону как наследница Дома Винтон, а не Дома де Куэрос.

Но были некоторые линии, которые Элизабет была готова отстаивать со всем легендарным упрямством своей семьи, и это была одна из них. Кармайкл де Куэрос может не присутствовать сегодня в соборе Лэндинга, но он всегда будет с ней.

"Вы признаны и утверждены законным наследником короны Мантикоры в прямом наследстве от вашего отца Майкла и вашего брата Эдварда. Сейчас, перед этим собранием и всем народом Звездного Королевства Мантикоры, вы принимаете Корону?"

"Принимаю," - сказала Элизабет с ясностью и силой, с которыми она не была уверена, что сможет проявить.

"Будете ли вы почитать, уважать, управлять и обеспечивать соблюдение законов и

Конституции Звездного Королевства Мантикоры?" - спросила Кромарти.

"Буду," - ответила она.

"Будете ли вы истинно, непоколебимо и справедливо служить людям Звездного Королевства Мантикоры и вашим подданным, независимо от их статуса?" - спросил Павон.

"Буду."

"Будете ли вы защищать, охранять и оборонять Звездное Королевство Мантикоры и всех его граждан от всех угроз, как внешних, так и внутренних?"

"Буду." На этот раз голос Элизабет прозвучал резко, холодно, и она ощутила дрожь смешанного страха и удовлетворения, когда он разнесся по собору.

"Даєте ли вы эти обещания охотно, полностью и без оговорок в мыслях, словах или намерениях?"

"Да."

Павон и Кромарти отошли на шаг в сторону, и Брэдфорд шагнул вперед между ними, взяв библию Елизаветы I из рук ее внучки и держа ее. Собравшись с духом, Элизабет протянула руку и положила на нее правую ладонь, подняв глаза, когда герцогиня и спикер положили свои правые руки поверх ее собственной.

"Я, Элизабет Антония Адриенна Винтон-де Куэрос," - сказала она, "будучи в здравом уме, клянусь, что буду верно соблюдать и исполнять каждое обещание, которое я дала в этот день народу и Конституции Звездного Королевства Мантикора. Я принимаю корону во имя этих клятв, с принятием своих подданных и под властью Конституции, и клянусь, что законы Звездного Королевства будут справедливо и беспристрастно применяться, что его Конституцию будет почитаться и исполняться, и что его люди будут защищены от любого врага, да поможет мне Бог."

Последние четыре слова не были юридически частью официальной Клятвы Коронации, но Элизабет Винтон-де Куэрос была пятым мантикорским монархом, который произнес их, и для нее имело значение каждое из них. Она думала, сознавали ли ее отец и Эдвард так же, как она в этот момент, насколько сильно ей понадобится Его помощь.

Павон и Кромарти убрали свои руки, и архиепископ на мгновение посмотрел на нее сверху вниз. Затем он осторожно положил свои руки на ее голову и закрыл глаза в короткой молчаливой молитве благословения, прежде чем вернуть ей библию.

"От имени пэров и общин Звездного Королевства и как совместные хранители его Конституции мы слышим и принимаем вашу клятву," - сказала Кромарти, когда Элизабет взяла библию. Мгновение спустя она почувствовала внезапную легкость, когда архиепископ Брэдфорд снял с ее головы формальную корону наследной принцессы.

"И от имени Общины и пэров Звездного Королевства мы клянемся и подтверждаем нашу верность, наше служение и наше почтение в соответствии с Конституцией," - сказал Павон. "В знак этого мы коронуем вас королевой Мантикоры."

Корона государства на самом деле не весила тридцать килограммов. Элизабет знала это. Однако, когда она легла ей на голову, то, что она знала, не имело значения по сравнению с

реальностью того, что эта корона представляла.

"Мы даем вам этот Скипетр," - сказала Кромарти, "символ и знак власти и авторитета, которые принадлежат вам, как главному судье Звездного Королевства, главе государства, главе правительства и главнокомандующему."

Элизабет положила библию на перила ризницы, когда герцогиня протянула скипетр государства обеими руками. Она почувствовала тепло ладоней Кромарти, сжимавших посох скипетра, когда она приняла его, и в ее глазах зацепало, когда она вспомнила, как ее отец объяснял ей его символизм за день до его собственной коронации.

"Это булава, Бет," - сказал он с мрачным голосом и серьезным выражением лица. "Он выглядит красиво, но на самом деле это оружие. Что-то, чтобы использовать, чтобы разбивать головы и ломать черепа. Эмблема голы силы, которая идет с короной. Я никогда не хотел этого, но я думаю, что так и должно быть. Что-то, что вы делаете, потому что должны, потому что кто-то должен это делать, потому что это ваша работа, и это также делает ее вашим долгом. Я знаю, что Эдвард тоже не ждет этого, но он хороший мальчик, и однажды он станет хорошим человеком. Будь рядом с ним, когда это станет слишком тяжелым, дорогая. Поверь мне, он будет нуждаться в тебе."

Я здесь, папа, думала она, чувствуя вес Скипетра. Я здесь для него, и, боже, если бы он сам был здесь. Теперь твоя очередь быть здесь для меня.

"Я принимаю этот скипетр..."

Хотя она делала все, что могла, слова получились хриплыми, и она остановилась и прочистила горло.

"Я принимаю этот скипетр," - повторила она сильным и ясным голосом, "во имя народа Мантикоры. Я всегда буду использовать его со справедливостью, смягченной милосердием."

"Тогда вставайте," - сказал Павон, и она была удивлена тем, насколько спокойно и плавно она встала, несмотря на ощущение, что ее колени должны дрожать.

"Повернитесь," - сказал он, и она повернулась лицом к переполненным скамьям, камерам наблюдения и всем миллионам мантикорских граждан за их линзами. В тот момент, когда все в Соборе встали лицом к ней, она почувствовала на себе массу надежд, желаний и потребностей этих людей.

"Народ Звездного Королевства!" Хрупкий голос Кромарти вдруг оказался таким же сильным и ясным, как голос самой Элизабет. "Я представляю вам Ее Величество Елизавету Вторую, Королеву Мантикоры. Боже, храни Королеву!"

Глаза Элизабет слегка расширились, когда герцогиня добавила последние слова. Они также не были частью формальной процедуры коронации...

"Боже, храни королеву!" - загремели в ответ тысячи голосов без тени сомнения.

А Элизабет Антония Адриенна Винтон-де Куэрос, Елизавета II Мантикорская, видела, как все эти яркие цвета сливаются вместе сквозь внезапную вуаль ее слез.